

Ему ответил один из прибывших со Святым Тайхан старейшин по имени Не Хэ, мужчина весьма прекрасной наружности. О нём говорили: лик яшмового юноши, обрамлённый струящимися под серебряной короной волосами; брови-ивовые листки, приподнятые у висков, взор рябит, словно персиковый цвет. В свободном голубом платье странника, с крючковой улыбкой на устах.

— Ха-ха-ха, девица, к чему нам здесь препираться, словно влюблённые? Коли я пожелаю, а ты не воспротивишься, не лучше ли тебе навестить меня нынче вечером в Южной башне? Уверю, этот господин тебя удовлетворит, ха-ха-ха-ха! — На лице Хэн Цзе играла насмешка, а слова его, легкомысленные, таили в себе вызов.

Не Хэ всю жизнь ненавидел, когда глумились над его женственной внешностью. В иное время обидчик уже стал бы призраком под его мечом. Увы, сейчас нельзя было поддаваться на провокации. Потому Не Хэ лишь холодно усмехнулся, незаметно сжав кулаки, и не проронил ни слова.

— Цыц, и впрямь стыдлив. Не стыдись, не стыдись, нынче вечером этот господин сам тебя разыщет! — Хэн Цзе продолжал задираться, и, почуввав легчайшее дуновение убийственного намерения, улыбнулся ещё шире.

— Ладно, ладно, благодаря вам двоим атмосфера и без того достаточно накалилась, хватит шутить. Патриарх Цинь, я, Хэ, глубоко соболезную несчастью, постигшему Тайхан, и понимаю, как вы встревожены. Но именно в такой момент следует сохранять хладнокровие.

Красная с золотом парчовая одежда с вышитыми карпами, прекрасное лицо, хранящее печать зрелости, но дух ещё не стар. Утончённый и элегантный, с душой-искринкой, скрывающей за внешним изяществом остроту и талант выдающегося мужа. Таков был нынешний глава Союза Шоцзянь Хэ Чжимин.

Он сделал паузу и продолжил:

— Раз уж мы все следуем Праведному пути, разве стали бы мы предавать друг друга и в такой критический момент вредить собратьям по пути? Более того, прошлой ночью я уже известил всех о проникновении еретиков в Фэнлин. Подумайте хорошенько: кому выгоднее всего, дабы с Тайхан приключилась беда? Нам, кто стремится объединить силы для казни Цзянь Чжао, или еретикам, чьи цели неясны, но кто проник в Фэнлин?

Речь Хэ Чжимина несколько смягчила выражение лица Цинь Чэна.

Разумеется, Цинь Чэн не был глупцом. Он и сам давно уяснил эту логику. Но весть о проникновении еретиков в Фэнлин пришла лишь вчера, а сегодня ученики его школы уже пострадали — всё произошло слишком стремительно, слишком нарочито. И пострадала лишь одна его Секта Тайхан — слишком уж подозрительно. С какой стати еретики стали бы целиться только в Тайхан? И по какой причине?

Потому-то Цинь Чэн и вёл себя столь прямолинейно — это была проверка.

— Конечно, еретикам. Но дело это темно. С тех пор как мы вступили в Фэнчэн, большинство учеников Тайхан предавались уединённому cultivation, редко выходя наружу, и особенно Цзянь Юй. Единственные контакты были с учениками прочих школ — во время размещения по восточной башне да на Собрании Героев. Ни один бродячий ся-ши не был принят в наших покоях.

Старый даос искренне не может взять в толк: если среди праведного пути нет лазутчика или предателя, как же еретикам удалось погубить семь десятых моих учеников, в то время как в ваших школах всё спокойно?

Слова Цинь Чэна тоже были не лишены резона. Как ни крути, один лишь факт избирательности цели в отношении Тайхан весьма странен. Ведь Тайхан, как школа, следующая Дао, редко наживала врагов, да и к еретикам относилась беспристрастно, во всём следуя принципам, не истребляя ересь при первой встрече. За исключением отношения к Цзян Чжао. По логике вещей, Тайхан должна была бы менее всего навлекать на себя ненависть еретиков.

— Убить чужими руками.

Прозвучал голос гунчжу Дворца Байлин Янь Силин.

На Янь Силин было тёмное платье с высокой талией, сшитое из шёлка, что говорило о благородстве. На поясе висел дворцовый шнур, украшенный нефритовой подвеской в виде цветущей груши, а также вышитый золотыми нитями узор из лотосов — поистине роскошно. Лицо её было скрыто чёрной вуалью, лишь прекрасные глаза виднелись снаружи, подведённые алым, с подъёмом к вискам, — пленительно до крайности. Причёска — «высокая причёска, взирающая на луну с нефритовой террасы», — украшенная нефритовой шпилькой с подвесками, ещё более подчёркивала её зрелую красоту. Увы, взор красавицы был мрачен, дух состарился прежде, чем увяла внешность.

— О? Слова девицы любопытны. Изволь поведать, чьи это руки, и чью голову срубают?

Заговорил, наконец, старейший старейшина Тайхан — Пэн Синчжуан. О нём говорили: седые волосы, но лик розов и юн; вздёрнутые брови, белые, словно занавески; озорной дух прячется в смеющихся глазах; длинная борода вьётся, словно добавляя цветов. Чжуй уложен в сгибе локтя, окутан дымкой, словно бессмертный, облекшийся в облака.

Будучи человеком, являющим бессмертный облик и костяк, да к тому же старейшим, слова его имели вес. Янь Силин неудобно было ударить в грязь лицом, потому она принялась объяснять:

— Руками Тайхан убить героя.

Однако объяснение вышло весьма лаконичным — она, казалось, не желала говорить больше.

— Нет. — Но прежде чем слова её отзвучали, кто-то уже опроверг их.

Взгляды, естественно, переместились к сидящему рядом с Хэ Чжиминем — учёному мужу, благородному гостю. От него не веяло ни каплей воинской аурой, но и неуместности не чувствовалось вовсе.

Тёмно-зелёное платье, белый нефритовый пояс, облик благородного мужа, омытый весенним светом очей. Статная осанка, грудь высоко поднята, дух вознесён; подобно бамбуковой цапле, невозмутимо восседающей на восточной горе. То был чжуцзы нынешней Обители Дунхуан — Дункуй-цзы.

Голос Дункуй-цзы был мягок, и даже столь непочтительное опровержение чужих слов не вызывало ни малейшего неудовольствия, напротив — заставляло невольно сосредоточиться на его речи.

— Цель отравителя, полагаю, не в том, чтобы посеять рознь меж нами, великими школами

Праведного пути...

— Хе-хе, а если не рознь, то что? Неужто намерены использовать малых даосов Тайхан, дабы, зарезав курицу, напугать обезьян и утратить нас? Ха-ха-ха-ха, копы Врат Скрытого Острия не столь тупы, как мечи малых даосов! Что, если попросить главу Ляня издать приказ? Мои Врата Скрытого Острия непременно выкорчуют подлых еретиков и истребят их всех! Верну всем покой, хорошо будет?

Произнося слова «истребят их всех», Хэн Цзе выпустил из своих, словно у зверя, вертикальных зрачков жестокий и свирепый свет, от которого кровь стыла в жилах.

Этот Хэн Цзе лишь и делал, что задирался, и все отлично это понимали. Но, принимая во внимание, что таков уж нрав всех из Врат Скрытого Острия, присутствующие по молчаливому согласию предпочли игнорировать его. Лишь двое тайханских старейшин, над чьим достоинством он глумился, бросили на него леденящие взгляды, словно говоря: «Выдастся случай — непременно вбью в твою башку, что такое небо высоко, а земля низка».

На что Хэн Цзе усмехнулся так, что и выразить невозможно. Он как раз горевал, что не с кем скрестить копы, а тут, всего-то пару слов молви — и уже две дурачины на крючке попались. Легче лёгкого!

— Племянник Хэн, будь же посдержанней. Господин Дункуй, что вы имеете в виду? — Дункуй-цзы, не любивший шума, замолчал, когда Хэн Цзе прервал его. Тогда Хэ Чжимин подал ему лестницу, заодно слегка отчитав Хэн Цзе, дабы загладить неловкость.

Хэн Цзе, покосившись на него, с усмешкой на устах, перестал задирается.

Дункуй-цзы не был мелочным человеком. Раз Хэ Чжимин подал лестницу, он по ней и спустился, продолжая:

— Если цель — посеять рознь, должен быть запасной ход. И если уж действительно хотят поспорить, не следовало выбирать для вредительства Тайхан.

Слова его не были до конца разжёваны, но все присутствующие поняли намёк.

Если еретики затеяли игру, они не стали бы играть лишь наполовину. После того как навредили Тайхан, им следовало бы подослать кого-то из школ с «предложением предаться». А Шоцзянь и Тайхан ещё утром отправили людей задерживать подозрительных, но сейчас, спустя час-другой, нет ни единой весточки.

Более того, если бы они и впрямь лелеяли намерение посеять рознь, если бы действительно желали положить конец сему Собранию Героев, рассорив великие школы Праведного пути, им следовало бы выбрать объектом отравления вспыльчивых и воинственных Цзанфэн, а не следующий во всём принципам и хранящий верность Дао и долгу Тайхан.

— Тогда как вы полагаете, господин Дункуй, какова же цель еретиков? — Цинь Чэн, крепко сдвинув брови, жаждал узнать ответ, ибо, исходя из цели еретиков, можно было бы судить, останутся ли в живых те семь десятых его учеников.

Дункуй-цзы не стал томить и высказал своё предположение:

— На поверхности самая прямая цель — заполучить доверие Секты Тайхан.

— Заполучить доверие моего Тайхан? Кто? — Цинь Чэн был в полном недоумении, словно монах, тщетно ломающий голову над загадкой.

— Кто спасёт Тайхан из огня и воды, тот и будет прямым выгодоприобретателем.

Одного этого предложения хватило, чтобы пробудить ото сна. Цинь Чэн невольно покрылся холодным потом. Да и прочие в той или иной мере изумились.

И пока все хранили молчание, раздались поспешные шаги — кто-то без позволения ворвался в место, где беседовали восьмеро.

В тот миг, как тот человек ворвался на вершину башни, его сдавила боевая аура, дыхание перехватило, тело онемело. Рот был раскрыт, но ни слова не вымолвить. Простояв так одно-два мгновения в оцепенении, он невольно рухнул ниц. Весь в поту от нетерпения, глаза налились кровью, но говорить по-прежнему не мог.

— Что случилось?

Величественный голос Цинь Чэна обрушился на него. Простые четыре слова уподобились истинному речению Великого Предка, рассеявшему весь страх ученика Тайхан. Тот, обретя спасение, поспешно поднял голову и выпалил:

— Па-патриарх, беда! Ученики... они... яд подействовал, они мертвы!

Что?!

Услышав эту весть, трое хозяев с мест Тайхан, не удосужившись даже попрощаться, мгновенно применили цигун и, прихватив доложившего ученика, помчались вниз проверять обстановку.

Вслед за ними, бросив остальным сжатый кулак в знак прощания, поспешил и глава Союза Шоцзянь Хэ Чжимин. Неизвестно, что пришло ему на ум, но лицо его стало поистине безрадостным.

Чжуцзы Обители Дунхуан Дункуй-цзы также последовал за ними, и на лице его явственно читалось изумление.

<http://bllate.org/book/16264/1463522>